Цѣна 20 коп.

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО И НАЦІОНАЛИЗМЪ

Отвѣтъ г. Соловьеву

А. А. КИРѢЕВА.

Ex oriente lux!

Петроградъ, 1890.
Изданіе Русско-Славянскаго книжнаго склада,
(ГЕРУЦЪ и ДОПЕНЪ)

Дозволено цензурою. Спб., 13 декабря 1889 г.
Типографія В. В. Комарова, Невскій пр., д. № 138

Въ № 11 «Вѣстника Европы», подъ заглавіемъ «Очерки изъ исторіи русскаго сознанія», напечатана интересная статья В. С. Соловьева. Она очерчиваетъ славянофильство и національнзмъ въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются автору, и направлена противъ прежнихъ и настоящихъ представителей этого ученія. Славянофильство понимается авторомъ весьма широко; онъ включаетъ въ него такихъ писателей, которые обыкновенно считаются представителями не только различныхъ, но даже и враждебныхъ направленій, а именно: И. С. Аксакова и М. Н. Каткова.

Въ этомъ отношеніи г. Соловьевъ совершенно правъ. Въ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ М. Н. Катковъ и И. С. Аксаковъ были вліятельнѣйшими представителями двухъ различныхъ «лагерей», западниковъ и славянофиловъ, обыкновенно противопоставляемыхъ другъ другу; но противорѣчія между ними были болѣе кажущіяся, нежели дѣйствительныя, по крайней мѣрѣ относительно ихъ цѣлей; это и высказалъ Катковъ въ некрологѣ Аксакова: «Во всѣхъ вопросахъ, которые затрогивали честь и славу Россіи, говорилъ онъ, мы всегда стояли за одно, шли всегда рука объ руку». Оба они были выдающимися представителями «національнзма», «народничества». За границей на нихъ именно такъ

и смотрѣли; ихъ совершенно основательно считали представителями русско-національной, даже панславистической идеи. Правда, средства, указываемыя ими для достиженія извѣстныхъ цѣлей, были не одни и тѣ же; но это не мѣшало имъ, какъ замѣтилъ Катковъ, идти рука объ руку и думать одинаково въ вопросахъ принципіальныхъ. Это, повторяю, очень хорошо понимали за границею, гдѣ на ихъ разногласія въ веденіи внутреннихъ дѣлъ Россіи обращали мало вниманія, а преимущественно прислушивались къ тому, что они говорили о дѣлахъ внѣшнихъ; а тутъ они говорили одно и тоже. Это и объясняетъ, почему смерть обоихъ произвела въ лагерѣ нашихъ враговъ, и у насъ дома и за границей, одинаковую, великую радость.

Полемизировать съ новымъ сотрудникомъ «Вѣстника Европы» становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ. По мѣрѣ передвиженія его съ Востока на Западъ («L'idée Russe», и «La Russie et l'Eglise universelle»), между нами (православными націоналистами) и имъ, остается такъ мало общаго, что на соглашеніе, или даже на примиреніе нашихъ взглядовъ нѣтъ и не можетъ быть никакой надежды; однако, намъ нельзя оставить безъ вниманія и опроверженія того, что говорится въ статьѣ «Вѣстника Евроны» про наше ученіе и про его настоящихъ и бывшихъ представителей; къ этому насъ обязываютъ прежнія, а, можетъ быть, и будущія заслуги В. С. Соловьева.

Начало статьи «Вѣстника Европы» напоминаетъ предостереженіе, данное И. С. Аксакову въ 1885 году тогдашнимъ цензурнымъ вѣдомствомъ, ко-

торое, считая, что Аксаковъ не понималъ, въ чемъ состоитъ истинный патріотизмъ, взялось указать ему разницу между истиннымъ и не истиннымъ патріотизмомъ. За то же самое берется и авторъ разсматриваемой статьи; онъ повторяетъ слова предостереженія и говоритъ, что націоналисты не понимаютъ истиннаго патріотизма (стр. 363).

Покойный Аксаковъ, получивъ предостереженіе, конечно, подчинился ему и напечаталъ его на видномъ мѣстѣ № 22 «Руси». Однако, онъ не пожелалъ принять преподаннаго ему поученія и остался при своемъ мнѣніи; думаю, что и современные славянофилы націоналисты поступятъ точно такъ же, и тоже останутся при своемъ мнѣніи, считая себя компетентными для рѣшенія вопроса, что̀ истинный и что̀ не истинный патріотизмъ.

«Внутреннее противорѣчіе между требованіями истиннаго патріотизма», говоритъ г. Соловьевъ, «желающаго, чтобы Россія была какъ можно лучше, и фальшивыми притязаніями націонализма, утверждающаго, что она и такъ лучше всѣхъ, погубило славянофильство, какъ ученіе». Таково начало статьи. Смѣло, категорично и—не вѣрно! Утверждать, что мы (славянофилы-націоналисты) находимъ, что Россія и такъ лучше всѣхъ, можно лишь извративъ все наше ученіе, не вѣдая нашей умственной, литературной дѣятельности. Мы утверждали всегда, что основы нашей жизни, идеалы русскаго народа лучше, правильнѣе другихъ, утверждаемъ и понынѣ, что ежели бы идеалы эти были осуществлены, ежели бы народные наши принципы были примѣ-

нены какъ слѣдуетъ къ нашей жизни, тогда бы мы, дѣйствительно, были лучше всѣхъ, но никогда мы не говорили что мы и такъ лучше всѣхъ. Мы, русскіе, не склонны къ похвальбѣ, въ этомъ отношеніи мы самый скромный, самый смиренномудрый народъ; въ англичанинѣ, нѣмцѣ, французѣ гораздо болѣе самомнѣнія, нежели въ русскомъ; каждый изъ нихъ считаетъ свой народъ первымъ, и готовъ объ этомъ всюду и всегда говорить и заявлять; мы же, русскіе, въ особенности мы, славянофилы, этого никогда не утверждали и не утверждаемъ. Стоитъ прочесть со вниманіемъ стихотворенія Хомякова или Тютчева, стоитъ взять руководящую статью «Извѣстій» или «Руси», чтобы въ этомъ убѣдиться. Авторъ очерковъ очевидно смѣшиваетъ выраженія нашей любви къ Россіи, наши надежды на будущее, съ похвальбою, а это совсѣмъ не одно и тоже. Если К. Аксаковъ, на котораго преимущественно ссылается г. Соловьевъ, ставилъ русскій народъ очень высоко, то преимущественно за то, что онъ, какъ народъ глубоко христіанскій, носитъ въ себѣ крѣпкую вѣру, т.-е. залогъ всего хорошаго, залогъ того, что онъ можетъ быть лучше всѣхъ. Въ русскомъ народѣ нѣтъ чувства превозношенія себя надъ другими, которое найдется у всѣхъ народовъ, играющихъ выдающуюся роль въ исторіи, въ особенности послѣ какого-либо значительнаго успѣха; а мы и послѣ 1812 года писали на своихъ медаляхъ, «не намъ, не намъ, а имени Твоему», а, вѣдь, кажется было чѣмъ похвастаться, была причина для превозношенія себя и своихъ доблестей! Ежели бы мы дѣйствительно думали, что Россія

«и такъ лучше всѣхъ», мы бы были совершенно довольны, ни о чемъ бы не горевали, не хлопотали и совершенно бы успокоились на «нашихъ незаслуженныхъ лаврахъ». Самъ же г. Соловьевъ и въ разбираемой статьѣ и въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ приводитъ полныя горечи и негодованія слова нашихъ предшественниковъ, которыя выражаютъ недовольство, негодованіе на то, что дѣла наши идутъ не хорошо, что наши принципы не примѣняются къ жизни ни у насъ дома, ни за предѣлами Россіи, что наша жизнь идетъ съ ними въ разладъ. Развѣ бы мы такъ говорили, ежели бы думали, что мы «и такъ лучше всѣхъ»?! Изъ-за чего же бы боролись всю жизнь всѣ тѣ, которыхъ критикуетъ г. Соловьевъ, ежели бы они думали, что въ Россіи все хорошо, и что она и такъ лучше всѣхъ? Съ какой бы (стати стали умирать наши добровольцы на поляхъ Болгаріи и Сербіи, если бы дѣла наши за границею дѣла нашихъ единоплеменниковъ, которыя мы считаемъ своими), шли какъ слѣдуетъ, шли хорошо? Напротивъ, мы думаемъ, что дѣла, въ особенности внѣ политическихъ границъ Россіи (въ области остальной православной церкви и остальнаго славянства), стоятъ совсѣмъ не такъ, какъ бы было желательно, и стараемся, какъ старались и прежде, выяснить, въ чемъ именно заключается ошибка, гдѣ именно «фальшь». Къ сожалѣнію, мы ни разу еще не могли повторить самодовольныхъ словъ, приписываемыхъ князю Бисмарку при провозглашеніи германской имперіи: Könnte doch die Geschichte still stehen! Мы знаемъ, что до такого возгласа— намъ еще далеко, что намъ до того еще много при-

дется поработать (и преимущественно надъ самими собою) и еще много пострадать; но мы, правда вѣруемъ, что такая минута настанетъ, что испытанія, которыя намъ посылались и посылаются, насъ не сокрушатъ, а напротивъ усилятъ, улучшатъ; думаемъ, что когда наши принципы будутъ приняты окончательно и примѣнены къ жизни— когда каждый изъ насъ ихъ усвоитъ и будетъ примѣнять и къ общественной и къ своей частной дѣятельности, тогда дѣйствительно Россія будетъ «всѣхъ лучше». Но мы знаемъ, что это дастся намъ не легко, потому что мы сами еще не стали въ уровень съ нашими идеалами, а отчасти и потому, что кромѣ себя, должны заботиться еще и о нашихъ единоплеменникахъ и нашихъ единовѣрцахъ. Мы думаемъ, что мы будемъ имѣть право успокоиться лишь тогда, когда и имъ будетъ хорошо, когда и они будутъ свободны и счастливы, когда и они будутъ «лучше всѣхъ».

Мнѣ не разъ приходилось все это высказывать и устно и печатно, и не разъ приходилось слышать такой укоръ: «что вы мечтаете, что вы фантазируете! Къ стати-ли вамъ, къ лицу-ли, заботиться о судьбѣ какого-нибудь православнаго сирійца или боснійскаго славянина, когда у васъ у самихъ всякіе безпорядки и недочеты, когда у васъ и желѣзныхъ дорогъ недостаточно, и торговаго флота нѣтъ, и капиталъ еще непомѣрно дорогъ.... что тутъ заботиться о болгарахъ или чехахъ!? Вы, правда, очень сильны, но вѣдь этого недостаточно; вамъ слѣдуетъ сдѣлаться богатыми, слѣдуетъ у самихъ себя завести порядокъ, тогда, пожалуй, думайте и о

другихъ». Это, повидимому, практическое разсужденіе въ сущности очень непрактично, и въ сущности очень «близоруко», и къ намъ совсѣмъ не примѣнимо. Тѣмъ-то мы и сильны, что хоть плохо разсчитываемъ, да сильно вѣруемъ и любимъ, что заботимся не только о себѣ, но и о другихъ, когда и у себя еще не все ладно; тѣмъ-то мы и «православные», и христіане, что не умѣемъ быть умными эгоистами, что способны отъ своего недостатка давать нуждающемуся, какъ тѣ нищіе, которые отдавали моему покойному брату, собиравшему въ церкви «на братьевъ славянъ» послѣдніе свои гроши, получаемые ими «Христа ради»! Вотъ ежели бы мы всѣ такіе были, какъ эти нищіе—Россія была бы дѣйствительно всѣхъ лучше! вотъ, въ этомъ отношеніи, за эту способность безразсчетной любви и любилъ К. Аксаковъ нашъ народъ, въ этомъ чувствѣ онъ видѣлъ проявленіе христіанства, и за это, а не за что другое, ставилъ такъ высоко русскій народъ. Но недостаточно еще носить правду въ своемъ сердцѣ, нужно быть еще и энергическимъ ея осуществителемъ; это и мы понимаемъ и понимали наши предшественники.

Все на той же, первой страницѣ авторъ сравниваетъ старыхъ славянофиловъ съ новыми, съ позднѣйшими ихъ преемниками, т. е. нами, конечно, еще болѣе псевдопатріотами, еще менѣе понимающими патріотизмъ, и отдаетъ преимущество старымъ; я согласенъ съ авторомъ, что старымъ славянофиламъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе передъ нами; поколѣніе наше, дѣйствительно, поизмельчало, но взгляды наши нисколько не перемѣнились;

они ни въ какомъ отношеніи не измельчали, не стали ниже тѣхъ взглядовъ, тѣхъ убѣжденій, которыхъ придерживались наши предшественники. Правда, среди насъ нѣтъ такихъ крупныхъ дѣятелей въ области мысли, въ области публицистики, какіе бывали прежде. Поколѣніе, начавшее жить мыслью въ шестидесятыхъ годахъ, не произвело такихъ людей, какъ предыдущее поколѣніе, начала пятидесятыхъ и въ особенности сороковыхъ годовъ. Должно замѣтить, однако, что это «измельчаніе представителей извѣстной идеи» — явленіе, повторяющееся постоянно и во всѣхъ случаяхъ, когда идея эта или совершенно перестаетъ жить въ обществѣ, или, напротивъ, дѣлается общимъ достояніемъ, когда она изъ области мысли переходитъ въ область дѣйствія; въ особенности, когда она въ началѣ своей жизни была стѣснена внѣшними условіями; такъ было и съ нами. Мысль подобна потоку, который, стѣсненный крутыми берегами, течетъ бурно и глубоко, а спустившись на равнину захватываетъ, правда, гораздо большее пространство, но течетъ мелче и тише. Это явленіе сопровождаетъ всегда распространеніе, «популяризацію» мысли, а что теоріи наши распространяются, дѣлаются достояніемъ всего русскаго общества и всего славянства—это, кажется, очевидно. Факту этому можно не сочувствовать, но его нельзя отрицать. И за границей, и внѣ славянства національныя теоріи постоянно распространяются и усиливаются. Будущность—принадлежитъ имъ, и принадлежитъ—по праву истины; распространеніе ихъ не удержалъ священный союзъ, не удержатъ и лиги мира, сколько бы

ихъ ни придумывали. Этого могутъ не видѣть лишь люди отъ рожденія слѣпые, или самоослѣпляющіеся. Исторія Европы со времени Вѣнскаго конгресса есть лишь осуществленіе національностической идеи; насъ же русскихъ, какъ спеціальныхъ, вѣрнѣйшихъ ея носителей (не смотря на то, что мы считали себя связанными теоріями священнаго союза), идея національностическая заставила перешагнуть черезъ Балканы, побѣдить при Наваринѣ, даровать свободу болгарамъ, закончить освобожденіе сербовъ и дойти до Санъ-Стефано, и, конечно, ранѣе или позже, съ большими или меньшими жертвами, исторія доведетъ насъ до границъ, указанныхъ намъ Провидѣніемъ!... Благо тѣмъ, которые поймутъ ея рѣчи — и горе тѣмъ, которые не захотятъ ихъ слышать. Мало-по-малу, повидимому, и остальные славяне начинаютъ понимать это, повидимому, и они уразумѣли, наконецъ, что Россія обнажаетъ свой мечъ не для порабощенія, а для освобожденія славянъ *), что отъ насъ имъ нечего опасаться **).

Соглашаясь съ авторомъ статьи, что на почвѣ науки и публицистики теперь между нами нѣтъ та-

---

*) Отношенія наши къ Польшѣ (такъ назыв. вопросъ польскій), были не разъ разобраны и оцѣнены по достоинству и на страницахъ «Руси» и на страницахъ «Извѣстій Славянскаго Общества».

**) Конечно, изученіе русскаго языка много будетъ способствовать установленію между славянами правильныхъ взглядовъ на Россію, на ея народъ, и на ея вѣру; недаромъ онъ такъ преслѣдуется въ Австріи, недаромъ ставленникъ Австро-Венгріи въ Болгаріи привываетъ въ главную школу Софіи людей, враждебныхъ Россіи.

кихъ крупныхъ дѣятелей, какъ, напр., Хомяковъ, Аксаковы и Самаринъ (беру тѣхъ, коихъ имена приводитъ авторъ), я долженъ замѣтить, что и между нашими противниками замѣчается тоже самое, и они измельчали (хотя и не потому, слава Богу, что ихъ взгляды сдѣлались общимъ достояніемъ). Въ враждебномъ намъ лагерѣ тоже нѣтъ такихъ крупныхъ людей, какъ, напр., Чаадаевъ, іезуитъ Мартыновъ или Герценъ. Привожу эти три имени потому только, что и Чаадаевъ, и Герценъ, и Мартыновъ были наиболѣе крупные представители враждебныхъ намъ направленій и могутъ считаться прототипами нашихъ теперешнихъ противниковъ, принадлежащихъ тоже къ двумъ весьма различнымъ категоріямъ; люди эти поклонялись и служили именно тѣмъ идеаламъ, которымъ не хочетъ поклоняться и никогда не поклонится Россія, пока она не сойдетъ съ своихъ основъ, не сдвинется съ нихъ.... Что другіе ее не сдвинутъ—это не подлежитъ сомнѣнію,... но она можетъ быть обманута—вотъ опасность; заботиться о томъ, чтобы ее не обманули—вотъ въ чемъ должна состоять забота каждаго сына русской земли, каждаго сына православной церкви!

Затѣмъ, и все на той же первой страницѣ, говорится, что нынѣшніе славянофилы прямолинейные «псевдопатріоты, для которыхъ самый вопросъ о дѣйствительномъ благѣ Россіи, о томъ, какъ ей полнѣе и лучше усвоить и осуществить всечеловѣческую общественную правду—самый этотъ вопросъ пересталъ существовать!» Гдѣ это вычиталъ у насъ авторъ очерка? Гдѣ это мы говорили или говоримъ такія вещи?—Ничего подобнаго нѣтъ и не существуетъ.

Такое голословное обвиненіе слѣдовало бы подкрѣпить чѣмъ нибудь болѣе вѣскимъ, нежели голословное утвержденіе; слѣдовало бы указать на чемъ оно основано, привести цитаты изъ того, что нами говорилось или писалось послѣ смерти нашихъ предшественниковъ. По крайней мѣрѣ, ничего подобнаго на страницахъ «Извѣстій Славянскаго Общества» найти нельзя. Трудно даже придумать, что̀ могло подать поводъ автору возвести на насъ такое странное обвиненіе. Можно угадывать, что авторъ писалъ это «ab irato», недовольный тѣмъ, что новѣйшіе славянофилы такъ недружелюбно отнеслись къ тому, что г. Соловьевъ считаетъ «дѣйствительнымъ благомъ Россіи» и къ тѣмъ сред твамъ которыя онъ предлагалъ для его достиженія. Смѣемъ его увѣрить, что и самые старые славянофилы, ежели бы г. Соловьевъ дѣйствовалъ въ ихъ время, отнеслись бы къ его теоріямъ и его предложеніямъ точно также отрицательно, какъ и новѣйшіе. И Хомяковъ, и К. Аксаковъ, и Самаринъ, не смотря на то, что они не сочувствовали эпохѣ до Севастопольской, что они были далеко не удовлетворены положеніемъ нашей церкви и горько на него жаловались, можетъ быть, дали бы отпоръ еще болѣе рѣзкій предложеніямъ г. Соловьева, нежели мы! Вѣдь жалобы ихъ, которые выписываетъ такъ подробно авторъ «Очерковъ», были обращены именно на то, что принципы ихъ, которые суть и наши, не были примѣняемы къ жизни, что тогдашнія высшія сферы ихъ игнорировали. Но жалуясь вообще на положеніе дѣлъ, между прочимъ, и на положеніе церкви, они, конечно бы, отвернулись отъ лѣкарствъ, предлагае-

мыхъ г. Соловьевымъ, ибо знали, что излѣченіе церкви должно быть произведено не внѣшними средствами (да еще и вредными), а внутренними силами своей собственной, присущей ей, благодатію.

На до-Севастопольскую эпоху принято, въ особенности было принято, нападать при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ; главнымъ виновникомъ выставляютъ Императора Николая Павловича; это не совсѣмъ справедливо. Императоръ Николай былъ человѣкъ глубоко преданный Россіи; никто болѣе его не дорожилъ ея величіемъ, никто искреннѣе не желалъ ея блага, ни, кто, конечно, не страдалъ болѣе покойнаго Царя-когда обнаружилась ея неумѣлость встрѣтить какъ должно коалицію Западной Европы и Австріи; онъ ошибался, какъ ошибается и долженъ ошибаться всякій человѣкъ, отрѣзанный искусственными преградами отъ внѣшняго міра, въ особенности, когда ему приходится управлять громаднымъ государствомъ; онъ былъ обставленъ такими условіями, которыя давали ему возможность видѣть и слышать только то, что проходило черезъ разныя канцеляріи и департаменты и получало одностороннюю окраску даже и при полномъ безпристрастіи тѣхъ, которые засѣдали въ этихъ канцеляріяхъ, а это безпристрастіе было далеко не характеристической чертой ихъ дѣятельности. Покойный Царь самъ это чувствовалъ. Онъ съ грустію сознавался, что его можетъ всякій обмануть разъ, но прибавлялъ, что его два раза никто не обманетъ, въ этомъ дополнительномъ изреченіи онъ, къ несчастію, ошибался. Меттернихъ обманывалъ его до самаго 1848 года, а послѣ Меттерниха и до 1854 года его обманывали Меттерниховы преемники. Но и въ

самомъ этомъ ослѣпленіи, побудившемъ Императора Николая спасти въ 1849 году исконнаго врага славянства—было величіе; были люди, указывавшіе ему на опасность его великодушія,—онъ не счелъ возможнымъ послушаться совѣта этихъ умныхъ оппортунистовъ и остался вѣренъ преданіямъ священнаго союза, которыя считалъ для себя обязательными, въ которыхъ онъ видѣлъ залогъ мира Европы. Мы, новѣйшіе славянофилы, точно также какъ и наши предшественники, не сочувствуемъ очевиднымъ ошибкамъ до-Севастопольской эпохи, не сочувствуемъ ей именно потому, что она была результатомъ непризнанія правоты національнзма. Впрочемъ, какъ ни грустны воспоминанія о Севастопольскомъ погромѣ, какъ ни обидна для нашего національнаго самолюбія мысль, что Англія, Франція, Турція, Піемонтъ и Австрія оказались тогда немного сильнѣе насъ *), что они во время сумѣли воспользоваться тѣмъ, что мы были безъ оружія и безъ дорогъ, не смотря на все это, мы не впали въ унынiе при мысли о перенесенныхъ невзгодахъ. Нашъ великій Пушкинъ въ «Полтавѣ» упоминаетъ «о кровавыхъ урокахъ», которые — «задалъ намъ шведскій паладинъ», но затѣмъ говоритъ, что Россія не только перенесла удары судьбы, но еще отъ нихъ и окрѣпла. Всѣмъ извѣстно его чудное уподобленіе—«такъ тяж-

*) Нынѣшняя коалиція, которой такъ хвастаются австро-венгерскіе журналы, которой они стараются, конечно тщетно, насъ запугать, встрѣтила бы съ нашей стороны, иной отпоръ—гораздо бобѣе успѣшный, нежели предыдущій, 1854 года.

кій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ» *). Такъ мы смотрѣли, такъ и будемъ смотрѣть на наши преходящія невзгоды.... Мы все перенесемъ, лишь бы не забывать своихъ идеаловъ, и религіозныхъ и политическихъ, не забывать своей вѣры въ святость нашей церкви и въ правоту нашего народа. Вѣдь одно сознаніе стадесятимилліоннаго народа, что онъ идетъ по честному, прямому пути, идетъ къ цѣли, намѣченной ему Провидѣніемъ, что онъ «въ созвучіи» съ своимъ царемъ, уже составляетъ залогъ побѣды. Это очень ясно, яснѣе насъ, видятъ наши враги, и поэтому такъ и хлопочутъ о томъ, чтобы какъ нибудь поскорѣе обмануть насъ, обойти, сбить насъ съ толку (благо податливы!), столкнуть съ нашей прямой дороги и подмѣнить наши идеалы. Сознаніе это—великая сила; это почувствовали и мы, и наши враги, въ 1863 году, когда, едва оправясь отъ Севастопольскаго погрома и обиднаго парижскаго мира, мы твердо и грозно отвѣтили Европѣ на ея дерзкія ноты. Враги наши все это видятъ и понимаютъ, понимаютъ, что ежели имъ не удастся оттѣснить насъ отъ славянства, отъ Востока именно въ настоящую минуту, ежели имъ не удастся обморочить насъ подставными идеалами, сбить насъ съ толку именно теперь, то черезъ десять, пятнадцать лѣтъ уже будетъ слишкомъ поздно, дѣло будетъ для нихъ потеряно; поэтому-то они такъ лихорадочно и мечутся, и хлопочутъ!

---

*) Русскій народъ выражаетъ туже мысль въ наивной формѣ—«за одного битаго двухъ небитыхъ даютъ». Умѣнье воспользоваться тяжелыми уроками, сознательно ихъ переносить—великая сила—великій залогъ успѣха!

Переходя ко взглядамъ старыхъ славянофиловъ, преимущественно К. Аксакова, утверждавшаго совершенно основательно, что русскій народъ «не стремится къ государственной власти», къ политическимъ правамъ, что онъ «не хочетъ государствовать», предоставляя себѣ лишь свободу жизни и духа, авторъ статьи «Вѣстн. Евр.» подвергаетъ ихъ строгой критикѣ. Очень трудно, утверждаетъ онъ весьма основательно, говорить о настроеніи цѣлаго народа *), да еще за прошлыя времена; не менѣе трудно удержаться отъ искушенія отождествить свои мысли съ мыслями всего народа; (почтенный авторъ самъ подаетъ примѣръ такой «слабости» въ своей крайне смѣлой оцѣнкѣ соображеній, которыя руководили почтеннымъ Гостомысломъ, призывавшимъ Варяговъ тысячу слишкомъ лѣтъ тому назадъ); но можно положительно утверждать, что русскій народъ дѣйствительно находитъ мало интереса въ «государствованіи». То, что дѣлаетъ правительство, интересуетъ его преимущественно въ томъ случаѣ, когда дѣйствія его касаются духовныхъ интересовъ народа. Заманить его, напр., на революцію для того, чтобы вырвать изъ рукъ правительства какую нибудь политическую хартію (въ магической силѣ коей нашъ умный народъ сильно сомнѣвается) нельзя; но онъ можетъ легко возстать для защиты своей вѣры! Плачевная вспышка «14-го декабря» можетъ служить подтвержденіемъ первой мысли, а жестокія войны Малороссіи противъ іезуитскаго деспотизма, окончившіяся ея осво-

*) Это совершенно вѣрно, и въ особенности для тѣхъ, которые отъ него отшатнулись.

божденіемъ и торжествомъ православія—примѣромъ для второй. Продолжительныя войны, которыя вела Россія или за свое собственное освобожденіе съ татарами и поляками, или за освобожденіе своихъ единовѣрцевъ, единоплеменниковъ, могутъ служить лишь подтвержденіемъ сказаннаго; онѣ велись для освобожденія отъ ига иноземца и иновѣрца (нестерпимаго для русскаго и вообще для славянина), а не для установленія того или другаго правоваго порядка. Такія войны вела и будетъ вести Россія съ полной энергіею и полнымъ безкорыстіемъ, не преслѣдуя эгоистическихъ цѣлей.

Предоставляя веденіе политики внутренней и внѣшней государству, славянофильское ученіе вводитъ коррективомъ такого порядка—совѣтъ Царя съ землею, посредствомъ совѣщательныхъ земскихъ соборовъ, существующихъ или постоянно, или созываемыхъ «ad hoc». На этотъ коррективъ авторъ статьи не обратилъ вниманія, между тѣмъ, онъ весьма существенъ. Соборъ земли, по ученію славянофиловъ, существуетъ не для ограниченія правящаго, а для помощи ему, въ качествѣ вѣрнаго истолкователя какъ самаго положенія дѣлъ въ краѣ, такъ и его настроенія, его чувствъ и мыслей, его желаній, надеждъ и чаяній; наша государственная формула выражается такъ: Одна воля (Царя) и много умовъ (совѣтъ земли *). Передавая государствованіе правительству, русскій народъ не

*) Въ парламентарномъ государствѣ степеней, конечно, много, но наклонъ у нихъ одинъ и тотъ-же—къ республикѣ (формѣ, впрочемъ, болѣе логичной). Тамъ государственная формула выйдетъ почти обратная нашей:—много волей.

остается однако безразличнымъ къ тому, что оно дѣлаетъ; онъ желаетъ, чтобы правительство было сильно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и солидарно съ нимъ, чтобы оно понимало и осуществляло историческія его задачи. Русскому народу нужно правительство сильное и зрячее, при которомъ онъ бы могъ свободно стремиться къ самоусовершенствованію, къ развитію своихъ этическихъ, эстетическихъ и научныхъ силъ, не тратя ихъ на политиканство (посвятить себя политикѣ, значило бы, по мнѣнію нашего народа, принять средство за цѣль). Объясненіе такого, съ перваго взгляда непонятнаго для западнаго человѣка, ученія заключается и въ нашихъ преданіяхъ и въ томъ, что для насъ политическое государство, даже и самое благоустроенное, не представляется тѣмъ окончательнымъ состояніемъ общества, далѣе котораго уже некуда идти, въ которомъ онъ находитъ удовлетвореніе всѣхъ его потребностей; для него окончательнымъ идеаломъ, къ которому должно стремиться всякое общество, всякій народъ, есть союзъ государства и церкви, т. е. союзъ государства съ элементомъ, одухотворяющимъ и освящающимъ его, дающимъ авторитету государства безусловную обязательность. На эту сторону дѣла авторомъ статьи (371 стр.) было обращено слишкомъ мало вниманія, между тѣмъ, она очень существенна; только при условіи органическаго, неразрушимаго союза государства съ церковью и крѣпко наше политическое ученіе; иначе мы должны отдать преимущество совершенно другимъ политическимъ комбинаціямъ. Г. Соловьевъ ограничивается въ этомъ отношеніи замѣча-

ніемъ, что мы (стр. 384) преклоняемся передъ татарско-византійской сущностью мнимаго «русскаго идеала». Въ этомъ, де, зерно нашей доктрины. Рѣзкость этихъ прилагательныхъ, напоминающихъ тѣ, которыя употребляютъ католическіе богословы, говоря про нашу церковь, едва ли облегчитъ нашу полемику *). Окончательная формула славянофильства, русскаго національнализма, т. е. союзъ или, вѣрнѣе, органическое соединеніе государства и православной церкви, конечно, не встрѣтитъ сочувствія ни у редакціи «Вѣстн. Европы», ни у его случайнаго сотрудника; если бы внести нѣкоторую поправку въ нашу формулу, замѣнить Византію—Римомъ (малость!) тогда формула наша была бы, конечно, принята, т. е. не «Вѣстникомъ Европы», а авторомъ «Очерковъ».

Все вышесказанное и все то, что приписывается г. Соловьевымъ старымъ славянофиламъ, повторялось и повторяется и нами, новѣйшими славянофилами. Принципы наши остались тѣже самые и все это высказывалось на страницахъ «Извѣстій Славянскаго Благотворительнаго Общества» (между прочимъ, и въ то время, когда г. Соловьевъ былъ ихъ сотрудникомъ). Тамъ же указывалось и на коренную разницу, существующую между западными взглядами и нашими (какъ на отношенія церкви и государства, такъ и на отношенія народа и правитель-

*) Равно какъ, напр. и эпитетъ «зоологическаго», даннаго авторомъ нашему патріотизму?! стр. 364. «Зоологическаго»—это по гречески, по-русски—животнаго. Такія стилистическія излишества подтверждаютъ наше мнѣніе, что статья написана «ab irato».

ства). Въ обоихъ случаяхъ (на Западѣ) отношенія эти нормируются **враждой**, на которой основана западная жизнь. На Западѣ (говорю о Западѣ католическомъ), между церковью и государствомъ издавна существуетъ непримиримая вражда, послѣдствіемъ которой является полное расторженіе ихъ прежняго союза *), уничтоженіе между ними всякой связи. Вражда эта совершенно понятна: католическая церковь вторгнулась въ область «Кесаря»—онъ ей отплачиваетъ тѣмъ же. Оба виноваты (кто ранѣе началъ, кто болѣе виноватъ, вопросъ, въ данную минуту, праздный), но фактъ налицо. Споръ этотъ уже не новъ и рѣшеній предлагалось не мало, но ни одного изъ нихъ нельзя было принять; пришлось остановиться на очень неудовлетворительной формулѣ творца итальянскаго единства, итальянскаго Бисмарка (Кавура) la chiesa libera—nello Stato libero, т. е. свободная церковь въ свободномъ государствѣ (та же мысль выражается, но въ грубой, не парламентарной формулѣ во французскомъ—«l'état a thée» и въ австрійской—«Confessionslosigkeit des Staates»). Формула Кавура, не смотря на свою недостаточность, единственно возможная на Западѣ; стало быть на ней и приходится остановиться; но она не рѣшаетъ вопроса, а только замаскировываетъ его, надѣваетъ на него либеральную личину. То же, что происходитъ въ западномъ государствѣ на почвѣ

*) Когда-то союзъ этотъ приносилъ западному государству великую пользу; этой заслуги католической церкви не слѣдуетъ забывать государству даже во время борьбы, и въ особенности послѣ одержанной побѣды. Это и не великодушно и не разумно.

церковной, повторяется и на почвѣ политической, въ области государственнаго права; и здѣсь все основано на борьбѣ, все является ея результатомъ. Западныя государства основаны на завоеваніи, и вся ихъ внутренняя исторія объясняется этимъ началомъ; съ исчезновеніемъ воинствующей аристократіи и городовъ, какъ самостоятельныхъ общественныхъ единицъ, власть перешла въ руки средняго сословія, а теперь переходитъ въ руки массъ, болѣе или менѣе голодающихъ, но старая борьба все продолжается; кто бы ни считался главою государства, король ли, или олигархія, или среднее сословіе—противъ него ведется борьба, у правительства отбирается власть; оно, въ свою очередь, конечно, защищается. Для выхода изъ этого состоянія придумываются разныя формулы, но всѣ онѣ основаны на компромиссахъ, всѣ онѣ не что иное, какъ перемирія, заключаемыя врагами. Это и есть парламентаризмъ, сущность коего состоитъ въ томъ, что правительство старается какъ можно менѣе дать, а народъ какъ можно болѣе выхватить власти; результатомъ этихъ перемирій являются разныя хартіи, которыя обѣ стороны клянутся соблюдать и которыя по возможности нарушаютъ или съ помощію краснорѣчія, или съ помощію револьвера. Вотъ намъ, славянофиламъ, какъ прежнимъ, такъ и нынѣшнимъ, и кажется, что все это никуда не годится, что ни западная формула для жизни церковной, ни западная формула для жизни государственной не хороши и что хартіи, на которыхъ онѣ написаны, ничего и никого не гарантируютъ. Мнѣній своихъ мы никакимъ другимъ народамъ не навязываемъ (отъ сво-

ей исторіи никому, вѣдь, не легко отказаться), но считаемъ, что наши «византійско-татарскіе» идеалы и лучше и надежнѣе другихъ, тѣмъ болѣе, что они нисколько не мѣшаютъ намъ принимать участіе въ великихъ успѣхахъ западной культуры; ученіе наше никогда не относилось и не относится враждебно къ просвѣщенію, совершенно наоборотъ; наша привязанность къ прошлому Россіи, нашъ патріотизмъ, который однимъ кажется слишкомъ узкимъ (животнымъ), не выходящимъ изъ-за стѣнъ московскаго кремля, другимъ слишкомъ широкимъ (революціоннымъ), потому что переходитъ Балканы, нисколько не мѣшаютъ намъ сочувствовать всему великому и прекрасному, добытому другими народами, не мѣшаютъ намъ надѣяться, что и мы можемъ сослужить службу человѣчеству не однимъ нашимъ тяжелымъ мечемъ!

Г. Соловьевъ находитъ неудобопримѣнимою къ жизни, недостаточно гарантированною ту «свободу слова», которую выговариваетъ себѣ народъ въ теоріи славянофильства (К. Аксаковъ); онъ говоритъ, что правительство, которому предоставлено право государствовать, можетъ конфисковать и свободу слова; это совершенно вѣрно, но мы думаемъ, что никакія хартіи не уберегутъ свободнаго слова, если въ немъ самомъ, если за нимъ нѣтъ силы; думаемъ, что если оно направлено на служеніе истины, если оно животворно, серьезно, то оно будетъ и настолько сильно, что преклонитъ къ себѣ и само правительство. Вѣдь сила можетъ существовать и внѣ хартіи! Сила общественнаго мнѣнія, сила слова и есть именно такая сила; она существуетъ самостоятельно и дѣйствуетъ неотразимо,

когда направлена къ добру и правдѣ. Она существуетъ и у насъ и растетъ весьма замѣтно; успѣхи ея не подлежатъ сомнѣнію. Дѣйствительно, нашъ государственный строй не измѣнился, самодержавіе у насъ и теперь такъ же неограниченно, какъ, напримѣръ, при Петрѣ Великомъ или Павлѣ I и, однако, многое изъ того, что было возможно при нихъ, теперь, хотя бы и было попрежнему совершенно законнымъ—стало, однако, совершенно невозможнымъ; правительство и теперь имѣетъ, напримѣръ, полное п р а в о издать такія цензурныя правила, какъ прежнія, при которыхъ была запрещена поваренная книга, упоминавшая не знаю справедливъ ли этотъ анекдотъ), о «вольномъ духѣ» въ печи, и однако т е п е р ь такое запрещеніе совершенно немыслимо; этотъ успѣхъ гласности, свободы слова дѣлаетъ совершенно невозможными тѣ безобразные факты, которые приводятся въ статьѣ г. Соловьева. Настоящій прогрессъ является гораздо менѣе результатомъ законодательства и политическаго устройства, нежели нравовъ; правъ, сто разъ правъ Горацій, говоря: «Quid leges sine moribus?!» Не парламентаризмъ, не камеры, не хартіи заставляли европейское общество идти впередъ,—а г л а с н о с т ь. Это признаетъ и самъ величайшій поборникъ и, вѣроятно, послѣдній представитель парламентаризма, the grand old man, Гладстонъ. Я говорю все это для того, чтобы выяснить мысль К. Аксакова, что свобода слова, гласность—силы очень существенныя, совершенно независимо отъ конституціонныхъ хартій. Подводя итоги подъ свою критику этой части славянофильскаго ученія, г. Соловьевъ говоритъ, что установленіе силь-

ной власти можетъ повести къ водворенію кулачнаго права, а умаленіе власти—къ анархіи, къ возвращенію общества въ первобытный хаосъ и приходитъ къ заключенію, что ученіе первыхъ славянофиловъ не въ состояніи рѣшить эти вопросы удовлетворительно. Но гдѣ же рѣшены они удовлетворительно? Будемъ ждать того лучшаго рѣшенія, которое намъ предложитъ г. Соловьевъ.

Выше я замѣтилъ, что авторъ «Очерковъ» не обратилъ должнаго вниманія на то первенствующее положеніе, которое, въ славянофильскомъ ученіи, отводится церкви; она, болѣе всякой конституціи, подвинетъ человѣчество къ добру и правдѣ, и на ея вліяніе мы и возлагаемъ наши надежды, какъ на носительницу нашихъ этическихъ идеаловъ, какъ на ту среду, въ которой образуются нравы. Отношенія церкви къ нашей общественной жизни, къ государству, конечно, нуждаются въ улучшеніи. Однако, и въ этомъ отношеніи г. Соловьевъ, вѣроятно, не отвергнетъ сдѣланныхъ нами успѣховъ.

Не соглашаясь съ теоріями прежнихъ славянофиловъ, авторъ «Очерковъ» признаетъ однако за ними заслугу, именно, въ отношеніи критики современной русской дѣйствительности (въ особенности режима Николая I). «Но, говоритъ г. Соловьевъ, вмѣсто объективно-достовѣрныхъ общечеловѣческихъ началъ правды, славянофилы въ основаніе своей доктрины поставили предполагаемый идеалъ русскаго народа», «т. е., на самомъ дѣлѣ, лишь идеализацію того фактическаго, исторически сложившагося строя русской жизни, котораго видимыя проявленія подвергались съ ихъ стороны такой жестокой критикѣ»;

но этого мало, ... «бывали», продолжаетъ г. Соловьевъ, «идеалисты, которые выступали противъ цѣлаго свѣта... но тѣ древніе идеалисты были въ самомъ дѣлѣ не отъ міра, а наши московскіе — отъ міра и, притомъ, отъ міра довольно маленькаго; да и идеалистами-то они были по недоразумѣнію». (Не велики же и не далеки были эти «людишки»!)

Покончивъ (??) съ славянофилами, г. Соловьевъ принимается за Каткова, разъяснившаго «недоразумѣнія славянофиловъ», поставившаго все дѣло національнаго на фактическую, реальную почву, утвердившаго славянофильскую доктрину въ ея прямыхъ логическихъ послѣдствіяхъ.

Какъ уже сказано, г. Соловьевъ очень ясно понялъ, что Катковъ, въ сущности, шелъ рука объ руку съ славянофилами, съ національнаго, хотя, для достиженія одинаковой съ ними цѣли предлагалъ средства совершенно другія, гораздо болѣе «авторитетныя». И ему были дороги слава и честь Россіи, и онъ считалъ, что православная церковь есть основа и оплотъ нашего государства, и онъ считалъ совершенно нелѣпымъ страхъ передъ «клерикализмомъ!» онъ тоже не желалъ отдѣленія Польши отъ Россіи и автономіи «Литвы»(!), тоже сочувствовалъ освобожденію крестьянъ съ землею, стоялъ за освобожденіе болгаръ и сербовъ и негодовалъ, когда Болгарію наградили парламентомъ, наконецъ, и онъ не вѣрилъ въ парламентаризмъ, въ разныя конституціонныя хартіи *).

Но Катковъ, какъ бы его ни называли, славянофиломъ или западникомъ, былъ прежде всего, какъ говоритъ и самъ г. Соловьевъ, православный русскій человѣкъ и, въ концѣ концовъ, не могъ не «быть за одно» съ другими православными людьми.

Установивъ родство между теоріями славянофиловъ и націонализмомъ Каткова, г. Соловьевъ замѣчаетъ, что то, чему учили теоретики, непрактическіе «мелкіе» идеалисты,—славянофилы, было примѣнено къ жизни энергическимъ практикомъ Катковымъ. Хотя онъ, конечно, въ мнѣніи г. Соловьева, и разрушилъ ученіе славянофиловъ, показалъ всю его безпочвенность, показалъ, что все оно основано на недоразумѣніи, тѣмъ не менѣе, плевелы, насажденные славянофилами, онъ возрастилъ и взлелѣялъ.

Пока славянофилы обличали наши грѣхи и болѣзни, они были хороши, какъ только они перешли къ созиданію,—они, въ глазахъ Соловьева, оказались никуда не годными; въ лицѣ Каткова явилась Немезида и сокрушила ихъ. Тоже самое происходитъ съ Катковымъ, пока онъ обличаетъ наши грѣхи и болѣзни—онъ хорошъ, какъ только онъ переходитъ къ созиданію, онъ оказывается даже хуже славянофиловъ, но, къ счастію для человѣчества, на страницахъ «Вѣстника Европы» снова является Немезида и, по указанію и при помощи г. Соловьева, сокрушаетъ Каткова. Происходитъ это слѣдующимъ образомъ: начало XII главы (въ которой находится разборъ ученія Каткова), поражаетъ своей рѣзкостію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неточностію выраженій. Вотъ это начало: «Цѣлая половина историческаго человѣчества

издавна живетъ вѣрою въ Бога, какъ въ абсолютную силу, передъ которою уничтожается человѣкъ. Эта вѣра нашла себѣ полное выраженіе въ мусульманской религіи, которая сама себя называетъ исламомъ, что значитъ: покорность или резигнація передъ высшей силой». У насъ въ Россіи, среди псевдо-христіанскаго общества (sic!) явился такой «исламъ»... и т. д. Что означаютъ слова: «У насъ въ Россіи, среди псевдо-христіанскаго общества»? Фраза эта, не смотря на свою рѣзкость, очень двусмысленна и можетъ быть понята очень различно. Что хотѣлъ сказать авторъ «Очерковъ», кто это псевдо-христіанское общество? Вопросъ чрезвычайно важный; въ отвѣтѣ (откровенномъ) на этотъ вопросъ должна выразиться окончательная мысль автора, а, стало быть, и все значеніе его критики. Эти слова можно объяснить такъ: Россія составляетъ общество псевдо-христіанское; или такъ: — Россія — истинно христіанское общество, но въ этомъ обществѣ есть еще другое, меньшее общество, не похожее на остальную Россію и не христіанское, псевдо-христіанское. Читатель согласится, что эти понятія отдѣлены другъ отъ друга цѣлой пропастью. Я весьма далекъ отъ желанія ловить автора въ словѣ, уличать его ссылками на его сочиненія, или придавать моей статьѣ инквизиціонный, а тѣмъ болѣе личный характеръ; нельзя, однако, оставить его статьи невыясненною, нельзя не пожалѣть тоже, что онъ оставилъ (думаемъ, невольно) послѣдній выводъ своей аргументаціи не досказаннымъ. Дѣйствительно, если, какъ можно думать,

основываясь на прежнихъ статьяхъ г. Соловьева, Россія, въ его понятіи, есть общество истинно-христіанское, а не христіанскимъ оказывается лишь общество, понимаемое въ тѣсномъ смыслѣ, то есть, какъ частица народа, какъ его безпочвенный верхъ, въ которомъ проповѣдывали свои «византійско-татарскіе» идеалики—славянофилы, а затѣмъ мусульманствовалъ Катковъ, то о ея будущемъ стоитъ и можно толковать, полемика о ней имѣетъ значеніе и смыслъ, ибо эта частица общества, имѣя мало общаго съ народомъ, не можетъ на него повліять, если же имѣть въ виду позднѣйшія сочиненія г. Соловьева, повидимому выходитъ, что Россія вообще (а не какой-либо ея верхній кружокъ), не смотря на то, что догматъ христіанскій у нея цѣлъ, уже не христіанское, а лишь псевдо, ложно-христіанское общество (какъ отдѣлившееся отъ папы) (?), а, конечно, о такомъ народѣ и о такой церкви нечего и говорить—anathema sit, даже anathema est (lata Sententia)! Такому обществу (народу), конечно, остается одинъ путь спасенія — покаяться въ своихъ грѣхахъ и, посыпавши пепломъ голову, идти въ Каноссу. А такъ какъ (не смотря на ручательство г. Соловьева, см. предисловіе la Russie et l'Eglise universelle, p. LXVII), мы «въ Каноссу не пойдемъ» *), то, стало быть, о такомъ народѣ нечего и хлопотать. Если онъ не хочетъ идти въ Каноссу, пусть идетъ въ Центральную Азію, откуда, по уче-

*) Интересно бы узнать, какой народъ авторъ считаетъ христіанскимъ,—вѣроятно, итальянцевъ?

нію нѣкоторыхъ польскихъ публицистовъ, онъ и пришелъ надоѣдать Европѣ.

Повторяю свой вопросъ: къ кому обращается г. Соловьевъ? Кто не христіанское общество?

Но возвратимся къ Каткову. Итакъ, онъ представитель нѣкоего рода ислама, но ислама низшаго качества (животнаго, зоологическаго?); мусульмане преклоняются передъ Богомъ, какъ передъ абсолютной силой, это еще—куда ни шло; но до такого просвѣщеннаго мусульманства Каткову далеко; идеалъ старыхъ славянофиловъ — византійско - татарскій, идеалъ Каткова—ухудшенный мусульманскій. Поклоненіе передъ абсолютной силой государства, передъ воплощеніемъ нашей народной силы! Вѣдь это повтореніе бисмарковскаго афоризма «сила первенствуетъ передъ правомъ». «Катковъ во всякомъ идеальномъ запросѣ, обращенномъ къ его кумиру», говоритъ г. Соловьевъ, «усматриваетъ или безсмысленную фразу или замаскированную измѣну. Обожествленіе народа и государства, какъ фактической силы, заключаетъ въ себѣ отрицаніе всякихъ объективныхъ началъ правды и добра!» послѣдствія этихъ дикихъ воззрѣній Каткова выведены его единомышленниками наружу «и въ нихъ Катковъ нашелъ свою Немезиду».

Стоитъ ли говорить о томъ, что оцѣнка націоналистическихъ теорій Каткова точно такъ же пристрастна, какъ и оцѣнка теорій древнихъ славянофиловъ?! Вѣдь только для краснаго словца нужно было прицѣпить теоріи Каткова (т. е. не настоящія его теоріи, а тѣ, мнимыя, которыя ему приписываетъ авторъ «Очерковъ») къ исламу. Теоріи, которыя

весьма основательно критикуетъ г. Соловьевъ, суть чисто западныя, основанныя на римскомъ правѣ, по которому именно «Salus reipublicae Summa lex esto!» а эти римскія теоріи коренятся и въ еще отдаленнѣйшей древности—въ ученіи греческихъ философовъ. Это, конечно, знаетъ г. Соловьевъ. (Развѣ и самъ «божественный» Платонъ не преклонялся передъ государствомъ, жертвуя ему семействомъ?!) А развѣ нынѣ на западѣ не процвѣтаютъ тѣ же самыя теоріи? При чемъ же тутъ исламъ? Въ общественной жизни Запада мы видимъ не только постоянное примѣненіе силы, но именно обоготвореніе ея, подъ предлогомъ, что она служитъ государству. Этимъ предлогомъ служенія государству или, какъ нынѣ принято говорить, большинству (а часто даже и меньшинству, болѣе крикливому, или болѣе безсовѣстному) оправдывается все, и подъ фирмой Бога—государства обдѣлываются и личныя дѣлишки. Это отождествленіе силы и права, проповѣдывавшееся еще въ древности, въ наше время открыто выступило наружу и до того усилилось и распространилось въ такъ называемыхъ образованныхъ европейскихъ обществахъ, что грозитъ уничтоженіемъ всякихъ понятій о правѣ. Съ тѣхъ поръ какъ западный міръ разошелся съ церковью, ему ничего другаго и не оставалось, какъ только преклониться передъ государствомъ; ежели бы онъ отвергъ государство, ему бы пришлось преклониться передъ силою каждаго отдѣльнаго лица, и тогда водворилось бы Гоббсово bellum omnium contra omnes; впрочемъ, дѣло къ этому и наклоняется, культъ государства началъ постепенно замѣняться культомъ «человѣка», т. е.

попросту самого себя, и основой нравственности оказался болѣе или менѣе замаскированный эгоизмъ въ видѣ бентамовскаго «interêt bien entendu». Вотъ что пишетъ объ этомъ, еще въ 1867 году, Эр. Навиль: «Depuis que le monde est monde, rien ne réussit comme le succès. Cela est vrai, mais ce qui est vrai aussi, c'est qu'il y a des degrés dans les choses. Ce qui est vrai, c'est que, si vous consultez la récente histoire de l'Europe, vous verrez croitre les conséquences de la theorie des faits accomplis, croitre le relâchement des consciences, l'affaissement de l'opinion publique; vous reconnaîtrez que les fronts humains sont devenus plus prompts à se courber au souffle de la victoire. Il est impossible, de ne pas reconnaître, dans la recrudescence de la lachete publique l'influence de cette philosophie, qui nous dit qu'il n'y a point de droit au dessus du fait... и т. д. Таково положеніе дѣлъ на Западѣ, понятно, что тамъ болѣе прежняго якоремъ спасенія является римская теорія поклоненія всемогущему государству; но, повторяю, Катковъ совсѣмъ иначе смотрѣлъ на дѣло. Онъ государства не обоготворялъ (онъ былъ слишкомъ религіозный и образованный человѣкъ для такой нелѣпости), но онъ вѣрилъ, часто преувеличенно, въ его дѣйствительность (efficientia) въ его способность безо всякой помощи со стороны управляемыхъ достигнуть извѣстныхъ цѣлей; и Катковъ смотрѣлъ на государство не какъ на конечную цѣль, а какъ на орудіе для наилучшаго достиженія извѣстныхъ цѣлей, преимущественно нравственныхъ. Неужели авторъ забылъ, что Катковъ всю жизнь боролся, напр., за введеніе, а затѣмъ за укрѣп-

леніе и защиту классическаго образованія въ Россіи? (противъ котораго теперь снова начинаются интриги). Въ этомъ взглядѣ на свойства администраціи (какъ на способную обойтись безъ помощи и совѣта управляемыхъ), на способность ея знать все что нужно и знать лучше управляемыхъ и состоитъ главная разность въ ученіи славянофиловъ и націоналиста Каткова. Я не вхожу теперь въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, кто правъ въ этомъ спорѣ, замѣчу только, что великое дѣло освобожденія крестьянъ, совершенное правительствомъ съ привлеченіемъ совѣщательныхъ силъ изъ среды общества, можетъ служить доказательствомъ, что управляемые могутъ принести не малую пользу своими свѣдѣніями и совѣтами.

Возвращаюсь къ статьѣ «Вѣстн. Европы». Итакъ, теоріи разныхъ націоналистовъ—древнихъ, среднихъ и новыхъ забракованы; онѣ никуда не годятся, (хороши лишь своей отрицательной, критической стороной); о русскомъ народѣ мы ничего не знаемъ, совершенно произвольно вкладываемъ въ его душу не существующіе идеалы; въ дѣйствительности ничего подобнаго этимъ идеаламъ въ русскомъ псевдо-христіанскомъ обществѣ не существуетъ, все это неопровержимо доказано г. Соловьевымъ; идеалы русскаго народа ему не извѣстны, онъ ихъ не видитъ. «Объ идеалахъ русскаго народа возможны одни гаданія» говоритъ онъ; пока видна только одна реальная мощь! А мы то, мечтатели, думали, что передъ нами, что мы—народъ съ очень опредѣленнымъ нравственнымъ обликомъ, народъ *не псевдо*, а *дѣйствительно христіанскій*, народъ, спо-

собный болѣе всякаго другого на самопожертвованія, готовый отдать на доброе дѣло послѣдній свой грошъ, способный теперь, во второй половинѣ XIX столѣтія предпринять крестовый походъ для освобожденія своихъ единовѣрцевъ, готовый, стало быть, не только на словахъ, но и на дѣлѣ служить идеѣ; думали, что именно эта идеальность и есть характеристическая черта нашего народа, идеальность, выражающаяся и въ нашей литературѣ, единственной изъ современныхъ европейскихъ литературъ, для которой, по признанію и иностранныхъ критиковъ, идея религіозная является не только живою, но и руководящею; думали, что мы народъ, для котораго этическія задачи и въ области философскаго мышленія и въ области практической жизни стоятъ на первомъ мѣстѣ! и все это—мечта *), ничего этого и не было, и нѣтъ! Но какъ же это мы, въ самомъ дѣлѣ, такъ ошибаемся, какъ-же могли мы прожить, и прожить со славою и честію, болѣе тысячи лѣтъ, не имѣя опредѣлившихся идеаловъ? Вѣдь, мы даже и татарско-византійскаго идеала не имѣли, и тотъ былъ намъ навязываемъ славянофилами, не могшими придумать для насъ ничего лучшаго! Вѣдь, это совсѣмъ невозможное дѣло; одною мощью вѣдь не проживешь! разные гунны, вандалы, монголы

*) Не смотря на матеріалистическій сумбуръ, внесенный въ наше общество въ шестидесятыхъ годахъ, и въ эту эпоху дѣтски необузданныхъ попытокъ сокрушить государство, поставить вверхъ дномъ все общество и уничтожить добро и красоту, и въ это время когда поклонялись только утилитаризму и матеріализму—и тутъ этическія задачи были на первомъ планѣ и тутъ не проявлялся эгоизмъ.

какъ ни были мощны, однако, просуществовали не долго! полно, не проглядѣлъ ли чего г. Соловьевъ, подвергая русскій народъ такому жестокому осужденію?! Такъ-ли дѣйствительно пусто, напр., выраженіе «Святая Русь», la Sainte Russie, какъ оно ему кажется?! (или это-то и есть Катковское мусульманство)? Но, можетъ быть, общество наше живетъ (совсѣмъ безъ идеала, вѣдь, жить нельзя) какими нибудь другими теоріями, другими идеалами? Какіе же идеалы будетъ намъ рекомендовать г. Соловьевъ? Посмотримъ. Кромѣ исчисленныхъ выше, есть еще теоріи, стремящіяся насильственно вырвать власть изъ рукъ правительства, насильственно навязать русскому народу свои взгляды, отъ которыхъ онъ открещивается, и установить такъ называемый правовой порядокъ на антирелигіозной подкладкѣ. Эти теоріи, хотя онѣ принципіально и безусловно враждебны теоріямъ націонализма и славянофилизма, безъ сомнѣнія, будутъ отвергнуты и г. Соловьевымъ; этихъ началъ онъ намъ, конечно, рекомендовать не будетъ! Затѣмъ существуютъ еще теоріи такъ называемыхъ либераловъ, тоже благосклонно относящихся къ правовому порядку, къ парламентаризму. Г. Соловьевъ обрѣлъ пріютъ въ наиболѣе авторитетномъ органѣ этого направленія, но едва-ли союзъ этотъ, эта «entente cordiale» прочны; это союзъ оппортунистическій, какіе бывали у насъ и прежде (напримѣръ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ), это нѣчто въ родѣ литтературной лиги мира; повторяю, едва-ли союзъ этотъ долговѣченъ, (по крайней мѣрѣ, было бы очень странно видѣть на страницахъ «Вѣстника Европы» католическую пропаганду).

Думаю, что взгляды «Вѣстника Европы» и его настоящаго сотрудника далеко не тождественны и что теорій своего временнаго союзника г. Соловьевъ рекомендовать намъ не будетъ! Гдѣ же истинныя патріотическія теоріи, гдѣ же наиболѣе непогрѣшимое ученіе? Вѣроятно, г. Соловьевъ не остановится на одномъ отрицаніи, выдвинетъ свою теорію, въ которой и укажетъ Россіи настоящій ея идеалъ? Не знаю, говорилъ ли онъ о немъ въ предъидущихъ статьяхъ «Вѣстника Европы», но ежели онъ не захочетъ оставить своей послѣдней статьи безъ логическаго вывода, то въ слѣдующей онъ укажетъ на тѣ идеалы, которые, по его мнѣнію, спасутъ Россію; полагаю, что онъ повторитъ (конечно, въ значительно смягченныхъ выраженіяхъ) тоже, что онъ говоритъ въ своихъ французскихъ сочиненіяхъ. Судя по введенію къ «La Russie et l'eglise universelle», онъ увѣренъ въ успѣхѣ своей проповѣди, онъ прямо о немъ заявляетъ... Позволяю себѣ, однако, думать совершенно противное, думать, что ежели онъ предложитъ Россіи принять его панацею, онъ будетъ имѣть столь же мало успѣха, сколько и его извѣстный предшественникъ три слишкомъ вѣка тому назадъ.

А. Кирѣевъ.

Павловскъ, ноябрь 1889.